

# СКАЗКА О ТОМЪ, КАКЪ ПРАВДА СЪ ЗЕМЛИ ПРОПАЛА.

Сослились какъ то на перекресткѣ Правда и Кривда. Кривда и говоритъ: „что ты, Правда, по землѣ ходишь, не твое здѣсь мѣсто, только мнѣ мѣшаешь, хлѣбъ у меня отбываешь; смотри: отошла я совсѣмъ, обносила, лохмотья однѣ! Совѣсти у тебя нѣтъ, а еще Правда!“ Правда и говоритъ: „ищи себѣ другаго мѣста, коли тебѣ со мною плохо, а мнѣ съ земли уйти нельзя:—пропадетъ безъ меня земля“. А Кривда ей: „куда я пойду, у меня одно мѣсто, мнѣ уйти некуда, на небо меня не пустятъ“. И начали тутъ Правда съ Кривдой спорить. Спорили спорили—вотъ Кривда и говоритъ: „что такъ то спорить—ты свое, а я свое; вонъ идутъ мужики, спросимъ у нихъ, какъ скажутъ, пусть такъ и будетъ“. „Спросимъ“, говоритъ Правда:—„я не боюсь, знаю что моя правда“. „Ладно“, говоритъ Кривда:—„только ужъ кто кого переспоритъ, тотъ пусть съ земли вонъ идетъ; а еще пусть тому и руки свяжутъ на вѣки вѣчныя, чтобъ и не снималъ той повязки, гдѣ ипъ будетъ“. „Хорошо“, говоритъ Правда:—„я не боюсь, знаю что моя правда!“ Тутъ подошли къ нимъ три мужика. Кривда съ Правдой къ нимъ. „Разсудите насъ,—какъ разсудите такъ и будетъ“. „Хорошо“, говорятъ мужики—„вы спорите, а мы слушать станемъ“. Заспорили опять Кривда съ Правдой. Кривда говоритъ: „у тебя есть мѣсто, иди себѣ на небо, ты и тамъ не пропадешь, а мнѣ съ земли идти некуда“. А Правда свое: „я-бъ и ушла, только безъ меня и земля

сгинетъ“. Спорили, спорили—вотъ Кривда и говоритъ мужикамъ: „что, ужъ, довольно спорили, разсудите насъ, мужички“. Мужики думали, думали, а потомъ сказали: „мудрено ваше дѣло:—точно, и тебѣ, Кривдѣ, пропадать нельзя, а идти тебѣ съ земли некуда, да и безъ Правды опять же какое житье“? А Кривда опять: „не объ томъ рѣчь, мужички почтенные: точно, безъ Правды жить нельзя, да никто ее съ земли и не гонитъ; вы только скажите: кто кого переспоритъ. Я говорю: ей есть куда съ земли идти, а мнѣ некуда. Коли бы вмѣстѣ жить нельзя стало, кому тогда съ земли уходить“? Подумали, подумали мужики, почесали въ затылкахъ и говорятъ: „ты, Кривда, переспорила, потому если кому и мѣста нигдѣ больше нѣтъ, нельзя его гнать, не по божески: всякой божьей твари мѣсто надо найти“. Правда только что хотѣла слово сказать, и Кривда и заикнуться ей не дала. „Спасибо, говорятъ, вамъ, мужички, разсудили вы насъ“. Вспомнясь имъ поклонилась. Мужики сказали: „не намъ чѣмъ“,—и пошли своею дорогой. Тогда Кривда Правдѣ говоритъ: „ну, Правда, знаешь пословицу: „не даль слова—крѣпчись, а даль ужъ держись“—уходи себѣ куда знаешь по добру, по здорovu, да еще напередъ дай я тебѣ руки свяжу“. „Что дѣлать, говоритъ Правда—хоть ты и кривдой меня переспорила, а я не въ тебя, отъ слова не отопрусь,—на, вьжи руки!“ Взяла Кривда, связала Правдѣ руки, да еще и смѣется: „что, Правда, много правдой своей взяла?“ Заплакала тутъ Правда, жалко ей стало, что сгинетъ земля

безъ нея—и пошла, куда глаза глядятъ. Плапла, дошла до того мѣста, гдѣ небо съ землею сходится, взлѣзла на небо, сѣла—сидитъ, руки связаны—такъ и сидитъ: развязать нельзя, на вѣки вѣчныя нельзя—сидитъ, смотритъ на землю, плачетъ.... А Кривда пошла себѣ по землѣ ходить, по своему судить—рядить: все, что и духу отъ Правды оставалось,—и духъ тотъ вывела. Всѣ стали кривдой жить, а кто не прилачился, попропадали, какъ тля травяная. А Кривда раздобрѣла—распухла, въ царскихъ палатахъ живетъ, съ золота, съ серебра ѣсть, жемчугами одежда унизана; всѣ то ей подати—дары несутъ, въ ноги кланяются, рады-радехоньки на лицо ей бѣлое какъ однимъ глазкомъ посмотрѣть, а посмотрѣвши отъ радости плачутъ—разрываются: „вотъ она наша Правда—матушка, жаромъ горятъ, на весь мѣръ свѣтитъ!“ А Правда сидитъ на небѣ, все то видитъ, плачетъ—убивается. Не вытерпѣла, взмолилась къ Богу праведному: „Господи, Боже ты мой! Все то ты видишь, все то ты знаешь, все то ты терпиши! Господи! Освободи же ты душу мою отъ мученія, сними ты съ меня слово мое, зарокъ великій; обманомъ съ меня то слово Кривда взяла—позволь мнѣ хоть съ связанными руками на землю слѣзть, авось я и такъ Кривду одолѣю!“ А Богъ и говоритъ: „не хорошо тебѣ, Правда, и слова такія выговаривать; какая же ты и Правда будешь, коли зарокъ свой нарушишь“? Заплакала тутъ Правда, пуще зарыдала. „Господи, говоритъ, прости мнѣ окаянство мое, не я

говорила слова тѣ, страданіе мое великое говорило!“ Вотъ прошло сколько времени, Кривда на землѣ живетъ, властвуетъ—тѣшитъ, всѣ то ей подражаютъ, всѣ покоряются. Только долго-ли, коротко—заскучала Кривда. Думаетъ сама про себя: „натѣшалась я довольно, а радости себѣ не вижу. Правда то на небѣ сидитъ, а я здѣсь, на землѣ маюсь. Дай я ее и съ неба сгоню, руки то у ней связаны, нечѣмъ оборониться, авось осилю, то-то будетъ знать, какова я!“ Сказано—сдѣлано. Полѣзла Кривда на небо, давай Правду гнать вонъ. Правда упирается, не идетъ. Кривда ее толкаетъ, пихаетъ, щипками щиплетъ, зубами грызетъ. Истомилась Правда,—руки связаны, оборониться нечѣмъ, чуется ужъ—осипляется Кривда, совсѣмъ на край неба загнала, вотъ-вотъ ногой спихнетъ. Взмолилась тутъ Правда опять къ Богу. „Господа милостивый! Неужтожъпустишь такое окаянство, чтобъ Кривда на небѣ сѣла! Господи, ты все видишь, ты все знаешь—докуда терпѣть будешь! Сними съ меня зарокъ мой великій, позволь руки развязать!“ А Богъ опять: „ахъ Правда, Правда! Какая же ты и Правда будешь, коли зарокъ нарушишь? Не сниму съ тебя зарока. Терпи до конца...“ Услышавши тѣ божіи слова, совсѣмъ Правда обезсилѣла; понаперла Кривда, спихнула ее съ неба, сама на ея мѣсто сѣла, сидитъ—величается. Увидѣли люди Кривду на небѣ, пали ницъ, распростерлись, ревутъ—плачутъ слезами умилными: „вотъ она наша Правда-то—матушка, на небѣ, какъ солнышко сіетъ!“...

А Правда, съ неба слетѣвши, упала въ болото при дорогѣ. Избитая—искусанная, замаранная—запачканная, изорванная—искомканная—мѣста живаго на ней нѣтъ; лежитъ, плачетъ—стонетъ... Бѣхалъ тутъ мужикъ по дорогѣ, увидѣлъ ее, подошелъ. „Кто ты такая есть“?—спрашиваетъ. А Правда: „я, говоритъ, Правда; Кривда меня съ неба въ болото сюда спихнула, помоги мужичекъ, выручи изъ бѣды, я тебѣ отслужу“. Разсердился тутъ мужикъ на такія Правдины слова,—распался, ткнулъ ее сапожищемъ раза два. „Ахъ ты, говоритъ, такая-сякая! Наша матушка-Правда словно солнышко на небѣ сіетъ, а ты вѣрно дѣвка гулящая, съ пьяну сюда забрела, съ пьяну и мелешь! Поговори мнѣ еще, я тебя! Ишь—Правда выпскалась!“ Не стала Правда спорить, истомилась ужъ очень, только говоритъ: „ради Христа, помога!“ А мужикъ тѣмъ временемъ къ ней присмотрѣлся; хотъ избитая—искусанная, изорванная—запачканная, а видать—дѣвка красивая, здоровая. „Семъ-ка, думаетъ, не ради Христа—давно-то Христа въ Кривдино царство позабыли—а хотъ и такъ возьму я ее. Небось, по хозяйству пригодится; дѣвка, вѣрно, смиренная, безответная“. Взялъ онъ тутъ Правду, взвалилъ на возъ, поѣхалъ своею дорогой. Приѣхалъ домой и говоритъ женѣ: „глянь-ка, я тебѣ работницу привезъ!“ Все тутъ какъ было и рассказалъ. спрашиваютъ тутъ они Правду: „что ты дѣлать умѣешь?“ А Правда говоритъ: „все“. „Ладно, говоритъ мужикъ,—поглядимъ. А почто у тебя руки связаны, какъ жетъ работать будешь,—развяжись“. А Правда ему: „не могу развязаться, руки у меня

по зарокъ связаны". Опять тутъ мужикъ распалился; разъ и два въ щеку Правду ударилъ: „развяжись!“—кричитъ—„а то еще не такъ покажу тебѣ, каковъ есть твой зарокъ!“ „Не могу“, говоритъ Правда. Схватилъ тутъ мужикъ Правду, швырнулъ о землю, дернулъ съ рукъ повязку, —разъ дернулъ, два дернулъ—не сдергивается; потому повязку ту только сама Правда слернуть съ себя могла. Посмотрѣлъ мужикъ, посмотрѣлъ —испугался. Думаетъ: „можетъ, колдовство какое, съ нами крестная сила“. Хотѣлъ уже Правду за порогъ въ толчки выгнать, да покорыствовался. „Дѣвка, думаетъ, здоровая, смиренная—безотвѣтная, хоть и съ связанными руками, все жъ куда-нибудь пригодится“. Оставили они у себя Правду, приставили ее къ люлькѣ дитя качать, да какъ всѣ уйдутъ на поле, за домомъ смотрѣть. И полюбила Правда то дитя, какъ свое родное. Всѣ на поле уйдутъ, а она сидитъ, въ люлькѣ ребеночка качаетъ, сама плачетъ—заливается: „охъ, дитятко ты мое милое, дитятко мое родимое! Горько мнѣ—тяжко! Несчастливымъ ты зародился, на горе тебя воспитать—вскормить:—не видать тебѣ Правды весь свой вѣкъ! Наложилъ на меня Богъ въ гнѣвъ своемъ зарокъ вѣковѣчный, руки-то у меня связаны, Кривды съ неба сплхнуть не могу, здѣсь съ людьми сижу—не узнаютъ меня люди!“ Плачетъ это плачетъ Правда, только и отойдетъ у нея сердце немного, какъ котеночкомъ займется. Тутъ же, въ избѣ, котеночекъ жилъ—все по полу бѣгаетъ—прыгаетъ, съ хвостомъ играетъ. Маленькій такой, сѣренькій, то ушибъ пасторожитъ, то присядетъ, то лапкой умывается... Созданіе Божіе! Умилится это Правда,

на него гляючи, подзоветъ его, приласкается;—ластится около нея котенокъ, звѣрекъ доверчивый: улыбнется Правда сквозь слезы. Вотъ котенокъ съ колѣнъ у нея спрыгнулъ, опять по избѣ шугать началъ. Прыгалъ, прыгалъ, да невзначай и выпрыгнулъ въ ушатъ съ помоями—а назадъ то и не выпрыгнетъ. Подпрыгнетъ, подпрыгнетъ, да опять шлепнется; подпрыгнетъ, подпрыгнетъ, да опять шлепнется. Тонетъ совсѣмъ, захлебывается, жалостно такъ пищитъ, знаетъ изморился, голосу нѣтъ, задыхается... Подступило тутъ у Правды къ сердцу, брызнули слезы горячія изъ глазъ..... „Господи, говоритъ, буди вся твоя воля,—какъ захочешь, такъ и казнишь—изстрадаюсь я вся, измучилась, больше стерпѣть не могу!“ Нарушила тутъ Правда зарокъ свой великій, сорвала повязку съ рукъ, вытащила котеночка, къ груди своей бѣлой прижимаетъ, цѣлуетъ, милуетъ, обсушила, обогрѣла, оправила, а у самой слезы изъ глазъ такъ и каплютъ.... Пошелъ котеночекъ опять по хатѣ прыгать—играться, а Правда все сидитъ, глядитъ, слезъ унять не хочетъ.... Вотъ выплакалась она тутъ, встряхнувшись, усмѣхнулась свѣтло такъ да радостно, пошла къ тому мѣсту, гдѣ небо съ землей сходится, взлѣзла на небо, однимъ махомъ Кривду съ неба сплхнула.... Завыла Кривда, побѣжала по землѣ, кричитъ—плачетъ: „Охъ помогите! Меня, Правду вашу, Кривда съ неба сплхнула!“ А Правда стала на небѣ, надъ землей засіяла, всѣ ее увидѣли: вотъ она настоящая Правда! Никто крику—плачу Кривдиному не вѣрить, въ толчки ее гонять....

И говоритъ тутъ Богъ Правдѣ: „Правда, Прав-

да! А гдѣ зарокъ твой ненарушимый? Нарушила ты, обманула, какая же ты Правда!“.

„Господи,—отвѣчаетъ Правда—вся твоя воля, какъ захочешь, такъ и казнишь,—изстрадаюсь я вся, измучилась, стерпѣть больше не могла!“.

И сказалъ тутъ Господь: „По любви твоей и страданію твоему великому прощаю тебя, только не видать тебѣ больше земли, останешься ты на небѣ вѣки вѣчныя, и земля тебя больше не увидитъ!“.

И по слову Божію затмилась Правда отъ земли. И заплакала тутъ Правда и взмолилась: „Господи, за что караешь непосильно! Сжалясь—смиловаться, пропадетъ земля безъ меня, а вся вина на мнѣ будетъ, за мое ослушаніе землю караешь!“.

И смиловался тутъ Богъ надъ Правдой и сказалъ: „Будетъ, Правда, по молитвѣ твоей! Не вове тебя закрою я отъ земли. И который человекъ на землѣ изстрадается по тебѣ до конца—краю, и исполнится надъ нимъ мѣра страданія его, и покорится онъ страданію тому—тотъ человекъ и увидитъ тебя!“.

И сбылось все по слову Божію. Какъ только затмилась Правда отъ земли, большое смѣненіе въ людяхъ стало. И одни говорили, что вотъ она, Правда, по землѣ ходитъ и на Кривду показывали, а что въ небѣ нѣтъ Правды и не было, а былъ одинъ видъ обманной. И такихъ было больше всѣхъ, и зажила Кривда опять на всей своей волѣ, во дворцахъ—въ палатахъ... А другіе въ Кривду не повѣрили, а говорили, что была Правда въ небѣ, да куда то дѣлась... И ис-

кали ту Правду, и плакали, и стонали, и найти не могли... А и такіе были, что говорили: „нѣтъ Правды, да и не было никогда“...

И пошли промежъ людей ссоры, да свары, да смѣненія.

И надо было сбыться и другому слову Божію,—сбылось и то слово Божіе—сбылось на самомъ томъ ребеночкѣ, что Правда у мужика въ хатѣ въ люлькѣ качала, слезами поливала.... И прожгли тѣ слезы душу ребеночка, и подросъ онъ, и выросъ, и сталъ самымъ несчастнымъ человекомъ на всемъ свѣтѣ.... Злое что сдѣлаетъ, слезы Правдины покоя ему не даютъ—жгутъ—мучатъ; доброе что сдѣлаетъ—и отъ того нѣтъ ему радости: самъ не знаетъ, зачѣмъ сдѣлалъ. И во всякомъ человекѣ всю кривду онъ сразу видѣлъ, до малой порошокъ замѣчалъ, и все въ счетъ считалъ—а гдѣ Правда—не зналъ. И бродилъ онъ по свѣту одинъ одинехонекъ, потому что никогда никого не могъ полюбить. Вотъ будто и полюбить кого, да увидитъ въ томъ человекѣ порошокъ кривды, и горько ему станетъ и обидно:—зачѣмъ полюбить.

И возненавидитъ онъ человека того, а Правдины слезы опять мучатъ—терзаютъ: зачѣмъ ненавидитъ. И долго такъ бродилъ онъ изъ мѣста въ мѣсто, и никого у него не было: ни отца, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ, ни друзей. Онъ никого не любилъ, и его никто не любилъ, потому что всѣ видѣли изъянъ его, а души его никто не видѣлъ... И мучился онъ такъ и днемъ, и ночью, и дома, и въ пути, и вездѣ—потому что нѣтъ болѣе мукъ на землѣ, какъ хотѣть любить и не мочь любить....

И подумалъ онъ: „уйду лучше въ пустыню, буду

жить тамъ, чтобъ людей не видать,—авось либо тамъ избуду муку свою“.

Такъ и сдѣлалъ. И тутъ то исполнилась мѣра страданія его, и ушла ненависть изъ сердца его, потому что изстрадался онъ до конца—краю, и покорился страданію тому....

И заплакалъ онъ горькими слезами, и долго плакалъ, и когда выплакалъ всѣ слезы свои—взглянулъ вверхъ, на небо...

И видитъ, небо разверзлось, и стоитъ въ небѣ Правда, и сіяніе кругомъ нея, и смотритъ на него таково жалостливо...

И въ ту же минуту вся жизнь его будто освѣтилась передъ нимъ—и увидѣлъ тутъ онъ, что всю жизнь кругомъ дороги по окольнымъ тропинкамъ путался, а на дорогу выйти не могъ...

И стояла передъ нимъ Правда, и сіяла во всей красотѣ своей, да ужъ не нужна была та Правда ему....

И ударился онъ объ мать сыру землю, и взговорилъ къ ней: „изстрадаюсь я, измучился—нѣту ужъ мѣста живаго во мнѣ! Впередъ идти—не могу, а назадъ—нельзя! Прими хоть ты меня, мать сыра-земля!“.

И сжалась мать сыра-земля, разступилась, приняла его, потому что изстрадался онъ до конца—краю, и исполнилась мѣра страданія его...

И видѣла Правда съ неба тотъ конецъ любимаго, политаго слезами дитяти своего—и горько плакала...

Такъ наказалъ Богъ Правду, и за малое ослушаніе воли Его...